

УДК 94(470.47)''193''(045)

*Е.Н. Бадмаева***ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕПРЕССИИ ПО ОТНОШЕНИЮ К ПАРТИЙНО-ГОСУДАРСТВЕННОЙ НОМЕНКЛАТУРЕ И УПРАВЛЕНЧЕСКО-ХОЗЯЙСТВЕННЫМ РАБОТНИКАМ В КАЛМЫКИИ В 1930-Х ГОДАХ**

На примере Калмыкии в статье исследуются отдельные аспекты репрессивной политики в СССР в 1920-х – 1930-х гг. Материалы Национального архива Республики Калмыкия, а также ранее опубликованные работы по этой проблематике дали возможность автору осуществить анализ и реконструкцию репрессивной практики местных партийно-государственных и правоохранительных органов. На фоне общей картины рассмотрены особенности политических репрессий в регионе, показана роль партийных, советских и правоохранительных органов в репрессиях по отношению к республиканской партийно-советской и хозяйственной номенклатуре. Прослеживаются трагические судьбы отдельных ее представителей. Анализируется мировоззренческий и моральный облик номенклатуры в атмосфере всеобщего психоза, страха, доносов и насилия в обществе. Политические репрессии 1937–1938 гг. вылились в массовое уничтожение передовой части руководящих работников Калмыкии и грубо нарушили права и свободы граждан, негативным образом повлияли на стабильность в обществе, затормозили динамичное развитие социально-экономической и духовной жизни республики. Изучение истории массового террора на уровне одного региона позволяет углубить представление о ряде базовых проблем истории массовых репрессий в СССР: о целях репрессивной политики, критериях и механизме отбора жертв репрессий, о формах и способах взаимодействия высших органов партии, НКВД и региональных властных структур в реализации общегосударственной репрессивной политики в отношении всех категорий населения.

Ключевые слова: «Большой террор», политические репрессии, НКВД, Калмыцкая АССР, Калмыцкий обком партии, партийно-государственная и хозяйственная номенклатура.

В ходе политических репрессий 1930-х гг. преследованию подверглись политические руководители и управленцы из Украины, Грузии, Москвы, Ленинграда, Азово-Черноморского края, где наиболее была развита политическая активность масс, а также – автономных национальных республик и областей.

Попытаемся раскрыть общие и региональные особенности сталинской репрессивной политики по отношению к региональной партийно-советской и хозяйственной номенклатуре на примере небольшой окраинной российской территории – Калмыкии; проследить трагические судьбы некоторых высших должностных лиц автономии в годы «Большого террора». Мы не будем здесь касаться политических репрессий против крестьян-единоличников периода «сплошной коллективизации».

Актуальность обращения к теме политических репрессий видится в том, что изучение истории массового террора на уровне одного региона позволяет углубить представление о ряде базовых проблем истории массовых репрессий в СССР: о целях репрессивной политики, критериях и механизме отбора жертв репрессий, о формах и способах взаимодействия высших органов партии, НКВД и региональных властных структур в ее реализации.

Став в 1922 г. генсеком партии, Сталин начал уделять исключительное внимание работе с кадрами, назначать личных сторонников на ключевые посты в регионах. Такую практику он ввел, еще работая руководителем Оргбюро ЦК РКП(б). Например, в начале 1922 г. Оргбюро ЦК РКП(б) для усиления контроля политического состояния и темпов строительства социализма в Калмыцкой АО рекомендовало на пост ответственного секретаря Калмыцкого обкома партии И. Р. Марбуш-Степанова. Подобных ему выдвигенцев по стране было много. Они проводили линию партии на местах. Некоторое время Сталин боролся с идейными противниками «парламентскими методами», но с 1929 г., набрав «политический вес», решил, по его собственным словам, «положить конец этому либерализму». И к середине 1930-х гг., покончив в основном с идейными противниками в Центре, начал борьбу уже со «сторонниками» оппозиции на местах. Слово «сторонники» мы неслучайно взяли в кавычки, так как на местах реальной оппозиции верховной власти практически не было. В фарватере руководимой им репрессивной кампании были те, кого он заблаговременно и предусмотрительно выдвинул на ответственные посты в региональных структурах партии и государства. Однако не они играли «первую скрипку» в проведении репрессий на местах. Задача парткомов была «обосновать» основания для обвинения коммунистов в политической неблагонадежности и хозяйственных преступ-

лениях, а затем исключить их из партии. Главная роль в годы «Большого террора» отводилась органам НКВД. Народный комиссар внутренних дел СССР Н. И. Ежов по согласованию со Сталиным лично устанавливал лимиты репрессий по регионам в зависимости от их «враждебности». В Приказе № 00447 от 30 июля 1937 г. «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов» для Калмыцкой АССР был доведен лимит – «к расстрелу – 100 чел., осуждению от 8 до 10 лет – 300» [4. С. 148–149].

Партийные и правоохранительные органы регионов выполняли и перевыполняли доведенные им «лимиты» репрессий, а впоследствии они даже требовали их увеличения. В Калмыкии уже за первые три месяца 1937 г. были «разоблачены враги народа»: председатель главного суда И. И. Ользеев, директор Калмыцкого педагогического техникума В. Ф. Жигadlo, директор рыбабфака Н. Б. Закостынов, директор курорта «Тинаки» Леднев, директор совхоза «Ревдольган» С. Шапкаев, директор Башантинского агротехникума Шукер, заместитель директора рыбзавода «Улан Хальмг» Кузин и др. [1. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 45. Л. 12, 21, 24]. В докладе первого секретаря обкома партии И. Н. Карпова на пленуме Калмыцкого обкома ВКП(б), состоявшемся 27–31 марта 1937 г., прямо отмечалось, что «в республике все еще имеются неразоблаченные троцкисты и иные враги народа» и докладчик призвал присутствующих к их немедленному разоблачению. На самом пленуме был исключен из партии ряд ответственных партийных и хозяйственных работников: управделами Совнаркома Калмыцкой АССР Э. Х. Отхонов, нарком местной промышленности Э.-А. К. Кекеев, секретарь Сарпинского укома РКП(б) И. С. Сергеев, первый секретарь обкома ВЛКСМ И. Т. Ванькаев. Все они были сняты с работы и арестованы по различным обвинениям [1. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 376. Л. 153–155, 163; Оп. 3. Д. 12. Л. 34–37; Д. 30. Л. 5]. Жесткой проработке на Пленуме за связи с троцкизмом, «чуждыми элементами», проявление «гнилого либерализма» по отношению к однопартийцам, троцкистским и иным двурушникам, а также буржуазным националистам, правда, без исключения из партии, подверглись нарком просвещения Д. П. Педеров, секретарь горкома партии Овчинников [1. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 375. Л. 216; Р-3. Оп. 10с. Д. 178. Л. 11].

Партийные органы умело подогревали и направляли в нужное русло нарастающие массовый политический психоз и народное «негодование». В унисон парткомам выступали профсоюзные, комсомольские, творческие и производственные организации. На собраниях коллективов граждане гневно клеймили «врагов народа», требовали «сурового и справедливого наказания». Областная газета «Ленинский путь» пестрит сообщениями о письмах, телеграммах, резолюциях митингов со всей республики в поддержку сталинского курса на обновление общества, о состоявшихся судах над оппортунистами всех мастей и постигшей их справедливой каре. Печатное издание призывает население активно проводить поиск затаившихся врагов народа.

Следователи НКВД вели дела по всем преступлениям и незначительным проступкам партийных, хозяйственных руководителей, простых тружеников, служащих, не удосужившись в полной мере выяснить степень их вины, размер ущерба, объективные обстоятельства, приведшие к негативному развитию событий. Председатели колхозов Э. Болдырев, Б. Нусхинов, П. Онуфриенко, директора совхозов Л. Басангов, Д. Акименко, У. Ильязинов, секретари партийных организаций и начальники политотделов Б. Эрдниев, С. Иванов, Г. Дораев, Д. Колаев, а также ряд работников низового уровня были обвинены и осуждены за заболевания и падеж скота, гибель посевов, неурожай, некачественный ремонт техники и другие недочеты в производственной деятельности. Чисто хозяйственным, производственным делам почти всегда придавался политический подтекст. Хозяйственные просчеты списывались на происки оппозиции, «заговор контрреволюционных организаций», причислялись к «вредительству» и подрыву советской власти. Уничтожение значительного количества хозяйственных руководителей, а также пребывание некоторых из них в местах лишения свободы значительно ослабили управленческий потенциал республики, сказались на динамике развития всех сфер общественной жизни и функционировании государственной системы. Под суд попадали и рядовые граждане, допустившие незначительные оплошности в работе, за которые в иное время вынесли бы устное замечание или выговор. Так, например, наборщика типографии Мальчуженко арестовали и привлекли к ответственности за допущенную опечатку в материале газеты «Ленинский путь» от 26 июля 1937 г., оценив данный недосмотр как «открытую вылазку классового врага» [1. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 30. Л. 111]. Решения судебных органов по экономическим делам поражают суровостью наказаний. По сообщению прокурора Калмыцкой АССР Хонхошева, в Калмыкии только за один 1937 г. было «привлечено 69 чел., из них по делам о вредительстве: в животноводстве – 32 чел. и в полеводстве –

37 чел.», «приговорены по делу о вредительстве в животноводстве из 9 чел. 6 чел. к расстрелу, 1 чел. к 20 годам и 1 чел. к 15 годам лишения свободы», «по делам о вредительстве в деле хранения зерна и заражения его клещом осуждены бывшие работники Башантинского Заготзерно – к расстрелу 4 чел., 1 чел. к 10 годам лишения свободы и по делу о вредительстве в к-зе “Интернационал” – к расстрелу 3 чел. и к принудработам – 2 чел.». Кроме этого, как далее следует из прокурорской информации, «Прокуратурой республики вскрыто контрреволюционное вредительство на Лаганском рыбокомбинате. По этому делу привлечено 4 чел. по ст. 58-7, 11 УК. Дело передано в Спецколлегию» [1. Ф. Р-131. Оп. 3с. Д. 49. Л. 114].

На каждого номенклатурного работника НКВД имел специальное досье со сведениями о социальном происхождении, родственных и дружеских связях, контактах с коллегами по работе, товарищами из других регионов и т. д. На основе анализа всей биографии, выявления «темных пятен» давалась оценка «потенциальных угроз» взятого в разработку «подозреваемого» и выстраивались различные конструкции заговоров. В нужный момент досье пускалось в дело. Так, основанием для ареста в 1937 г. видного государственного деятеля Калмыкии А. Амур-Санана стали письменные ответы на запрос ЦК ВКП(б) еще 1931 г. ответственного секретаря Калмыцкого обкома партии Х. М. Джалыкова и крупного партийного и государственного деятеля Калмыкии А. Ч. Чапчаева, являвшегося в то время слушателем института красной профессуры в Москве. Первый из них считал Амур-Санана одним из главных виновников межнационального раздора и территориального раздела в Калмыкии в 1920-е гг.: «После организации автономии и созыва I общекалмыцкого съезда в июле 1920 г., между калмыцкими руководящими работниками и руководящими работниками русского населения, входившими в КАО (особенно Ремонентский район) [...] национальная группировка и борьба. В этой группировке Амур-Санан явился руководителем калмыцкой части работников и в результате этой борьбы Ремонтненский район был вынужден выделиться из состава КАО» [1. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 22. Л. 7].

Х. М. Джалыков также безапелляционно назвал Амур-Санана «ярким националистом, врагом Калмыкии и авантюристом», ничтоже сумняшеся предложил свой вердикт: «должен быть немедленно исключен из партии с преданием суду» [1. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 377. Л. 11]. И для доказательства и убедительности своих обвинений привел «компрометирующие» факты из биографии Амур-Санана, как-то: службу до революции волостным старшиной, поддержка политической платформы кадетов, идеи перехода калмыков в казачество и т. п.

Второй адресат партийного запроса – А. Чапчаев, в своем ответе на запрос высшего контрольного органа партии об Амур-Санане, подтвердил факт «организации и борьбы группировок» в Калмыцкой области Амур-Сананом. И обвинил своего давнего товарища в связях с контрреволюционными элементами и также предложил исключить «из рядов партии буржуазного националиста Амур-Санана». Поездка в Бурятию, участие в работе I съезда Тувинской народно-революционной партии, дружеские контакты с монгольскими товарищами, явились основанием для обвинения в «национализме», стремлении отделить Калмыкию от Советской России и создании Великого Монгольского государства. Компрометирующими факторами также стали две книги Бухарина с дарственными надписями. А. Амур-Санан был расстрелян в 1939 г., уже после спада «Большого террора».

Не менее трагична судьба и самого А. Чапчаева. В его биографии также нашли «компрометирующий» факт: письма А. Амур-Санану из Монголии осенью 1926 г. В них А. Чапчаев якобы отрицает возможность построения социализма в Калмыкии, призывает к восстановлению старокалмыцкой письменности, созданию в Калмыкии партии, аналогичной Монгольской народно-революционной партии.

Еще одной причиной преследования и ареста А. Чапчаева стало то, что он, только что назначенный на должность начальника политотдела Союзскотководтреста Калмыкии, выступил на XI областном съезде Советов в 1934 г. с критикой в адрес партийно-государственного руководства области, отметив заметный спад сельскохозяйственного производства в Западном улусе и указав на его причины. В ответ на критику руководители области А. Пюрбеев и В. Хомутников 20 декабря проводят бюро обкома, вменяют А. Чапчаеву в вину «отход на позиции правоопортунизма, клевету на партию и советскую власть, выражающую интересы классово-враждебных элементов» и проводят через областное бюро партии решение: «За антипартийное и контрреволюционное выступление А. Чапчаева и за непризнание своих ошибок снять с работы и исключить из рядов ВКП(б) и просить ЦК ВКП(б) и крайком партии утвердить это решение» [1. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 376. Л. 159].

Однако, ЦК ВКП(б) не утвердил решение бюро Калмыцкого обкома партии. Скорее всего, вышестоящий партийный орган учел большие заслуги А. Чапчаева в создании автономии калмыцкого

народа, областной парторганизации, выполнении секретной миссии в Тибете по заданию НКВД РСФСР и спецслужб, признанные как «исключительные заслуги перед Советской Республикой», за что он был награжден в 1928 г. орденом Красного Знамени.

В 1934–1935 гг. партийные и карательные органы не смогли расправиться с ним. Но ничто не могло остановить однопартийцев из Калмыкии. Несмотря на то, что А. Чапчаев уже не работал в Калмыкии, а находился в должности управляющего трестом совхозов в Хабаровском крае, преследования и обвинения не оставили его. В Москву, в ЦК ВКП(б), шли письма с изобличением видного государственного деятеля Калмыкии и требованием его ареста и наказания. В частности, председатель Калмыцкого ЦИКа В. Хомутников в письме в Центр от 20 августа 1936 г. убеждал в том, что Чапчаева должна неминуемо ждать «строгая кара перед страной» – расстрел. Калмобком направил компрометирующие документы в партийную организацию Хабаровского края, где работал А. Чапчаев. Там подключился местный орган НКВД и довершил дело своих калмыцких коллег. Настойчивая последовательность злопыхателей привела к тому, что в марте 1937 г. А. Ч. Чапчаев был расстрелян [1. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 375. Л. 51].

Обвинительные, «изобличающие» материалы, подготовленные НКВД, послужили поводом для постановки вопроса на пресловутом пленуме Калмыцкого обкома ВКП(б) в марте 1937 г. об исключении из партии Председателя Совнаркома А. П. Пюрбеева. На этом заседании он подвергся резкой и необоснованной критике однопартийцев, обвинялся в культивировании семейственности, чиновничества, в зажиме самокритики, в неудовлетворительном руководстве наркоматами, в признаках зазнайства и вождизма, в падеже скота, в непринятии мер для борьбы с распространением бруцеллеза животных и т. п. Затем «дело Пюрбеева» для шельмования было передано в нижестоящие улусные комитеты партии. Актив Элистинской городской парторганизации, Лаганский, Черноземельский, Западный улускомы ВКП(б) выступили с «разоблачениями» председателя Совнаркома республики, назвав его «предателем интересов калмыцкого народа». Они обвинили А. Пюрбеева в том, что якобы в СНК Калмыцкой АССР, возглавляемом и сформированном им, оказались «буржуазные националисты», «враги народа», «троцкисты» и т. д. На пленуме областного комитета партии А. П. Пюрбеев был снят с высокого поста в исполнительной власти республики и исключен из партии. ЦИК СССР вывел его из своего состава. Дальше пошло по уже известной схеме: арестован, расстрелян. 16 января 1938 г. в тюремных стенах оборвалась жизнь этого талантливого и перспективного руководителя Калмыкии. Преследованию подверглась также его супруга Н. Х. Коваева, начальник Главлита. «Правовой» основой ареста явился приказ НКВД СССР № 00486 «Об операции по репрессированию жен и детей изменников родины» от 15 августа 1937 г. [5. С. 478]. Н. Х. Коваева была освобождена от занимаемой должности, исключена из партии, арестована «как буржуазная националистка... дочь крупнейшего кулака... сознательно выпускающая переводную литературу с грубейшими извращениями основ марксизма-ленинизма, не принимающая никаких мер к запрещению антисоветской литературы» и выслана в лагерь без права переписки [1. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 376. Л. 244–247; Оп. 3. Д. 45. Л. 200].

Председатель ЦИК Калмыцкой АССР В. А. Хомутников так же, как и А. П. Пюрбеев, подвергся проработке и обструкции на Пленуме обкома партии в 1937 г. На основе разработок местного НКВД и обвинений обкома партии заместитель наркома внутренних дел СССР М. П. Фриновский написал донесение на имя Сталина о подозрениях в троцкистских взглядах председателя Калмыцкого ЦИК Хомутникова – кандидата в депутаты Верховного Совета СССР. Сталин написал на донесении: «Т. Фриновскому. Если Хомутников является кандидатом в Верховный Совет, его не стоит сейчас арестовывать (с ним можно расправиться после выборов)» [2. С. 628–629]. На XV областной партийной конференции, состоявшейся 10–15 июня 1938 г., В. Хомутников был исключен из партии, освобожден от занимаемой должности. Исключение из партии в те годы являлось как бы сигналом к аресту. Однако карательные органы не успели арестовать этого легендарного человека – участника Октябрьской революции, героя гражданской войны, награжденного орденом Красного Знамени РСФСР, делегата XVII съезда ВКП(б), депутата Верховного Совета СССР 1-го созыва, Председателя ЦИК Калмыцкой АССР. Предупрежденный товарищами о нависшей над ним угрозе, он бежал в Москву и тем сумел избежать ареста. Все же он был репрессирован, освобожден от работы, но благодаря своей настойчивости сумел добиться политической реабилитации. Комитет партийного контроля при ЦК ВКП(б) 30 сентября 1939 г. восстановил В. А. Хомутникова в рядах ВКП(б). Несгибаемый и мужественный человек в мирное время, он проявил ратную доблесть в военные годы: героически погиб в феврале 1945 г. во время штурма советскими войсками г. Будапешта.

Активный участник государственного и партийного строительства в Калмыкии Хохол Джалыкович Джалыков, уехав из родных мест, с января 1936 г. работал на Дальнем Востоке в должности председателя Северо-Приморского государственного рыбтреста. Но, как и А. Пюрбеева, его достали на территории другого региона калмыцкие «друзья». 19 ноября 1937 г. из Калмыкии за подписью секретаря обкома партии Л. Килганова в ЦК ВКП(б) и одновременно (копия) в Дальневосточный крайком ВКП(б) было направлено письмо с обвинением Х. Джалыкова в «дезорганизации и разрушении советского хозяйства, разжигании национальной розни» в Калмыкии, в поддержке духовенства, нойонов, зайсангов, препятствовании выселению и конфискации имущества кулаков, покровительстве социально чуждых элементов, организации «буржуазно-националистического подполья» и т. п. Как «антигосударственная политика», «неверие» в созидательные силы калмыцкого народа были расценены его ходатайства в центральные органы СССР и РСФСР в бытность руководителем республики об уменьшении для Калмыкии планов поставок мяса, зерна и др. сельхозпродукции в неурожайные годы. ЦК ВКП(б) сделал оргвыводы и Х. Джалыкова исключили из партии. А дальше его ждали арест и тюремные застенки. В апреле 1938 г. во внесудебном порядке приговор в отношении одного из бывших высших руководителей республики был приведен в исполнение.

Наряду с высшими руководителями республики мишенью репрессивной политики в годы «Большого террора» стали аппарат обкома и Совнаркома, работники народных комиссариатов, секретари улускомов (райкомов) партии, управленческо-хозяйственные работники. По подсчетам проф. К. Максимова: «По предъявленным абсурдным обвинениям только в течение года (май 1937 – май 1938 г.) необоснованным репрессиям подверглись 325 чел., из которых 73 являлись ответственными работниками партийных и советских органов... Больше всего (63 чел.) пострадали руководители колхозов, совхозов, МТС, крупных предприятий республики» [3. С. 435]. Данный список учитывает количество репрессированных только за один год, в него не входят номенклатурные работники, репрессированные в 1936 г., в начале 1937 г. и после мая 1938 г. Общее количество репрессированных в Калмыкии было больше.

Большевистское руководство было заинтересовано в раскалывании национальной элиты, отсюда та жесткая и непримиримая борьба за власть, характерная для общественно-политической жизни республики того времени. Зависть, карьеризм, предательство и другие низменные качества людей, отсутствие общей и политической культуры, угроза потери места в номенклатурной обойме с ее различного рода привилегиями, улусизм (местничество), элементарное чувство самосохранения стали также основой совершения низких и подлых поступков, стоивших потери места работы, иногда даже жизни своих однопартийцев, коллег и земляков.

Таким образом, политические репрессии по отношению к партийно-государственной и хозяйственной номенклатуре автономии в 1920-е, а в особенности – в 1930-е гг., отличались жестокостью и масштабностью; большей частью они коснулись национальных кадров. Достаточно сказать, что от репрессий не спасся ни один партийный секретарь, ни один председатель облисполкома и СНК республики калмыцкой национальности. Им, как и их коллегам по всей стране, предъявлялись обвинения в связях с оппортунистическими организациями, троцкистами, в развале экономики, в потере классовой бдительности и т. п. Региональная особенность политических репрессий в автономии – то, что высшие руководители калмыцкой национальности обвинялись в большинстве своем в создании (участии) на территории Калмыкии «буржуазно-националистических» организаций на основе движения за объединение монгольских народов (Внешней и Внутренней Монголии, Бурятии, Калмыкии, монголоязычных областей Синьцзяна и Тувы) в единое государство монголосферы. Основными «признаками панмонголизма» в Калмыкии считались призыв к переселению калмыков на территорию «Великой Монголии» в Азиатском регионе и пропаганда старокалмыцкой письменности, буддизма. Даже политика коренизации партийно-советского аппарата, объявленная советским государством, в конечном итоге вылилась для национальных руководителей обвинением в сознательном проталкивании на номенклатурные посты людей своей национальности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Национальный архив Республики Калмыкия (НА РК).
2. Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина. Документы высших партийных и государственных органов. 1937–1938. М., 2004.

3. *Максимов К. Н.* Калмыкия в годы форсированного строительства социализма // История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3-х тт. Элиста, 2009. Т. 2.
4. *Максимов К. Н.* Трагедия народа: репрессии в Калмыкии. 1918–1940-е гг. М., 2004.
5. *Стецовский Ю. И.* История советских репрессий. М., 1997. Т. 1.

Поступила в редакцию 05.12.16

E.N. Badmaeva

POLITICAL REPRESSIONS AGAINST THE PARTY-STATE ESTABLISHMENT AND MANAGEMENT AND ECONOMIC WORKERS IN KALMYKIA IN 1930s

The article is devoted to the study of individual aspects of Stalin's repressive policies in the 1920s-1930s in the USSR, specifically, in Kalmykia. Materials of the National Archive of the Republic of Kalmykia and previously published research on this subject have allowed the author to undertake analysis and reconstruction of the repressive practices of the local party-state and law enforcement agencies in 1930s. The article gives an overview and describes the features of political repressions in the region, showing the participation of party-state and law enforcement agencies in the repression against the party-state and economic establishment of the Republic. The author traces the tragic destiny of individual representatives who came under Stalinist repressions.

We analyze the ideological and moral character of the nomenclature in the atmosphere of general psychosis, fear, denunciations and violence in society. Political repressions of 1937-1938 resulted in massive destruction of the best part of Kalmyk establishment and flagrantly violated the rights and freedoms of citizens, had a negative impact on the stability of society, to a certain extent slowed down the dynamic development of the socio-economic and spiritual life of Kalmykia. The study of the history of mass terror on the level of one of the regions allows one to deepen the insight into some basic problems of the history of mass repressions in the USSR: target of repressive policies, criteria and selection mechanism of the victims of political repressions, forms and methods of interaction between the highest organs of the party, NKVD and the regional authorities in the implementation of the national policy of repression against all categories of the population.

Keywords: Great Terror, political repressions, NKVD, Kalmyk ASSR, Kalmyk regional party committee, party-state and economic establishment.

Бадмаева Екатерина Николаевна,
доктор исторических наук, доцент,
заведующая отделом истории
ФГБУН «Калмыцкий научный центр РАН»
358000, Россия, г. Элиста, ул. Илишкина, 8
E-mail: en-badmaeva@yandex.ru

Badmaeva E.N.,
Doctor of History, Associate Professor,
Head of the History Department
Kalmyk Scientific Center of the RAS
Ilishkina st., 8, Elista, Russia, 358000
E-mail: en-badmaeva@yandex.ru